

Всероссийский музей А. С. Пушкина
Музей-усадьба Г. Р. Державина

**«БЕСЕДА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОГО СЛОВА»:**

200 лет

Санкт-Петербург

ВИРД

2013

стиль), т. е. про интертекстовое вкрапление, как про цитату, обычно можно сказать, что она пришла в данный текст из такого-то произведения, иначе говоря, можно указать *адрес цитаты* (Библия, статья Карамзина, статья Шишкова, «Бедная Лиза» и т. п.). Чем менее точен этот адрес, тем ближе интертекстуальность подходит к стилизации и стилистическому влиянию.

И.Б. Дягилева

**«Волшебный блеск чужезычных прелестей»
(к вопросу о языке моды первой четверти XIX века)¹**

Жизнь дворянского общества конца XVIII – начала XIX века характеризовалась увлечением французским языком и культурой, часто пренебрежительным отношением к родному языку. Детей обучали и воспитывали на французском, переписка между образованными людьми велась преимущественно по-французски. Весь трагизм этой ситуации показывает цитата из письма К.Н. Батюшкова, писавшего во время своего пребывания в Италии в 1811 году Н.И. Гнедичу: «Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русский язык и на наших писателей, которые с ним немилосердно поступают. И язык-то по себе плоховат, грубенец, пахнет татарщиной. Что за ы? что за щ? что за ш, ший, щий, при, тры? О варвары!...»².

Тем значительнее на фоне культурно-языковой традиции, складывающейся под чужим влиянием, представляется деятельность общества «Беседа любителей русского слова» и ее активного участника — А.С. Шишкова. В своей речи, произнесенной на первом заседании общества, он подчеркивает мысль о величии родного языка. «Наш язык есть один из древнейших, из учений языков, праотец многим другим. <...> Всякое слово его есть плод размышления, ветвь, рожденная от корени, а не

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование дифференциального словаря «Словаря русского языка XIX в.», проект № 11-04-00056а.

² Батюшков К.Н. Письмо Н. Гнедичу от 5-го декабря 1811 года // Избранная проза. М., 1988. С. 324.

заимствованный от других языков пустой мыслями звук»³. Свою задачу А.С. Шишков видел «в исследовании всей обширности языка», в «извлечении наружу» «блистающих в нем красот», он призывал «полюбить свое», «тогда пред светом сияния» красот родного языка «померкнет волшебный блеск чужезычных прелестей»⁴.

В воззрениях архаистов языку как воплощению национального начала придавалось решающее значение. «Порча языка непосредственно связывалась с утратой веры и разложением нравов»⁵. Для сохранения обычая надо было противостоять моде, уже в те годы диктовавшейся из Парижа большинству европейских стран. Н.И. Страхов замечал, что «недавно девицы носили платье, а ныне платьем щеголяют; недавно хвалили рукоделие, а ныне моду»⁶. Еще резче звучит приговор Ф.В. Ростопчина от лица дворянина Силы Андреевича Богатырева, приехавшего в Москву: «Господи, помилуй! только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски; и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное — Париж. <...> Старухи и молодые сошли с ума. <...> Одеты как мать наша Ева в раю, сущие вывески торговой бани либо мясного ряду <...>»⁷.

Для знакомства русской публики с иностранными модами в 1791 году начал издаваться «Магазин Англинских, Французских и Немецких новых Мод», позже, в 1795 году, —

³ Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 1. СПб., 1811. С. 34.

⁴ Прелесть — это то, «что обольщает в высшей мере», «что пленяет и льстит чувствам, или покоряет себе ум и волю». Цит. по: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. Ч. 3. М., 1865. С. 40.

⁵ Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия // Лотман Ю.М. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1998. С. 234.

⁶ Страхов Н. Мои петербургские сумерки. СПб., 1810.

⁷ Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М., 1807.

«Магазин для распространения общепользных знаний и изобретений» (раздел «Модный журнал»). В журнале «Московский телеграф», превзошедшем со времени своего появления в 1825 году по популярности все иные издания, регулярно рассказывалось о новых нарядах в разделе «Моды». Сообщения о модах часто выходили в форме писем и переводились из соответствующих изданий Парижа, Лондона или Берлина. Постепенно единовластным повелителем мод остался Париж. В «Московском телеграфе» перепечатывались описания модной одежды из французских журналов на французском языке, а ниже публиковался перевод на русский язык.

В первой четверти XIX века сохранялся элитарный характер моды. На модные наряды требовалось тратить огромные состояния, что еще более подчеркивало сословные различия. Мода регламентировала предметы одежды, ее фасон, ткань, детали отделки, цвет, аксессуары (драгоценные камни в украшениях, виды трости для мужчин и др.). Если сравнивать упомянутые журналы конца XVIII века и «Московский телеграф», то можно отметить большую дифференциацию модных предписаний. В «Магазинах мод» описывались моды женские и мужские, а платье нарядное и домашнее. Позже в 20-30-х годах XIX века появилась детская мода, а наряды классифицировались уже на утренние, на «платья на прогулку и для выездов к обеду», на бальные наряды.

Язык публиковавшихся в журналах материалов отличается большое число иноязычной лексики (названия тканей *креп*, *репс*; предметов одежды *каньзу*, *эшарп*; обозначения цвета *цвет головы негра* (*tête de nègre*), *желтый райской птички* (*jeune-oiseau-de-paradis*), наличие иноязычных вкраплений (*à la Cagliostro*, *linon*, *jeune caroline*)⁸.

⁸ В журналах XVIII века еще встречаются иноязычные вкрапления из английского языка, например, спальный чепец (*Duke of York nightcap*), в начале XIX века — только из французского.

Замечательной чертой языка моды является восходящая к фольклору традиция употребления слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *кафтанчик, корсетик, галунчик, складочка, башибочок, кругленький, узенький, темненький* и др.⁹ Сложный процесс создания костюма отразился в использовании разветвленной группы приставочно-суффиксальных глаголов — *обишивать, обишиваться, нашивать, подвязать, перевязать, завязываться, прикалываться* и др.

Наиболее многочисленную терминологическую группу лексики в языке моды составляют названия тканей, относящиеся в основном к заимствованной лексике¹⁰. В первой четверти века заимствуются из французского языка названия материй: *барез (barèges), генгам (guingamp), дофин (dauphine), крен-крепе (crêpe crêpé), органди/органди (organdi), пике (pique), пенс (reps), тюль (tulle)* и др.

В «Словаре русского языка XVIII века»¹¹ в значении «плотная шелковая ткань, переливающаяся разными оттенками; муар» представлены варианты формы *мор, муэр, морь*, а также прилагательное *моровый*, однако эти варианты не сохраняются в языке XIX века. В «Московском телеграфе» франц. *moire* переводится как *морелевая материя*. Возможно, прилагательное *моровый*, совпав с омонимичной формой со значением «отн. к мору»; *связанный с эпидемией смертельной болезни (обычно чумы)*¹², было заменено на *морелевый*.

«Почти все дамы были в платьях из синего булавчатого бархата, белой или серой морелевой материи и розового

⁹ Ср. в русских сказках: *платочек, шапочка, карманчик, кушачок, тросточка, клубочек, платьице* и др.

¹⁰ Тарасова М.В. Западноевропейские неславянские наименования тканей в русском языке XI – XX веков. Автореф. дис. канд. филол. наук. Орел, 2001. С. 14.

¹¹ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13. СПб., 2003.

¹² Там же.

крепа»¹³. «У новейших капотов (шляпок) тулья, и верх полей делаются из белой морелевой материи»¹⁴.

В XVIII веке и первой половине XIX века *муар* часто называли старым русским словом *объярь*, хотя производство новой материи было иным. Тонкая шелковая ткань обрабатывалась с помощью специальных валиков, образуя причудливые узоры и характерные разводы, при этом использовалась золотая или серебряная нить¹⁵. Во второй половине века словари отражают закрепление заимствованного слова в формах *муар, муаре, моаре*.

Еще одна новая ткань этого времени — *котпали* (*cotpalis*). Зафиксировано это слово только в словаре И. Татищева: «*котпали, новая ткань*»¹⁶, во французском толковом словаре *cotpalis* описывается как пестрая шелковая ткань¹⁷. Это слово встречается во французских, немецких и английских модных журналах 20-30-х годов XIX века: *robe de cotevalis, Sommerstoffe die Cotpalis, dresses of cot-pali*.

«Самые новые и модные котпали те, у которых из двух полосок одна сырцового шелка. Всегда одна полоска резко отличается цветом»¹⁸. «Каньзу надевают на платье с короткими рукавами или просто с юбкою из цветной кисеи, Шотландской тафты, или полосатого котпали»¹⁹. «Никогда не

¹³ Московский телеграф. 1826. Ч. 7. С. 53.

¹⁴ Там же. Ч. 11. С. 195.

¹⁵ Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века / http://www.apropospage.ru/history/szen_kost/dress_3.html.

¹⁶ Татищев И. Всеобщий французско-русский словарь. Т. I. М., 1839. С. 325.

¹⁷ Cotpalis ou cotevalis – sorte d'étoffe mêlée de soie et d'écorce d'arbre. DICTIONNAIRE UNIVERSAL DE LA LANGUE FRANCAISE. Tome I. C.M. Gattel, 1837.

¹⁸ Московский телеграф. 1826. Ч. 9. С. 78.

¹⁹ Там же. Ч. 10. С. 52.

носили столько платьев из котпали, вышитого шелком, сколько носят их в нынешнем году»²⁰.

Характерным для русского языка является образование относительных прилагательных от названий тканей со значением 'сделанный из этой ткани', однако, если иноязычное название материи употреблялось в языке недолго, то такое прилагательное не образовывалось. Например, французская фраза «*robes de barèges, d'organdi, de cot-palis*» была переведена в «Московском телеграфе» как «барежевые платья, органдинные, из котпаля». Это единственный пример склонения данного слова, употреблявшегося обычно в неизменяемой форме.

Быстрая смена моды на ткани влекла за собой быстрое появление и исчезновение из языка соответствующих слов, как, например, *молния* (семантическая калька от франц. *foudre*), *вулкановы сети* (франц. *filet de Vulcain*) и др. Новую материю для платьев, с узорами огненного цвета, по темному полю, называют молния (*foudre*). «Модистки делают из молнии шляпки»²¹. «Шелковые материи, с черными лозанжами — называются Вулкановы сети. Иногда для лучшего подражания сетям, углы лозанжей или четырехугольников округлены в тех местах, где они пересекают один другого. Модная эта материя названа Вулкановою сетью по имени любимого ныне в Париже балета»²².

В ряде случаев в переводах «Московского телеграфа» встречаются пропуски, представляющие определенный интерес для изучения истории заимствований. Так «*chapeau de feutre gris*» переводится как «*шляпа серая*», без указания на материал, из которого она изготовлена. По данным словаря

²⁰ Там же. Ч. 15. С. 128.

²¹ Московский телеграф. 1827. Ч. 18. С. 178.

²² Там же. 1826. Ч. 10. С. 52.

И. Татищева, *feutre* соответствовало русскому слову *войлок*²³, обозначавшему широко употребительный материал, но, по-видимому, качество *feutre* (материала) было намного выше, что привело к пропуску в переводе. Позже встречаем наименование *шляпный войлок*²⁴, а с середины 70-х годов XIX века *фетром* стали называть саму фетровую шляпу и материал, из которого делали головные уборы. Фетровые шляпы, котелки и шляпки были разных цветов (черного, серого, белого, красного); мягкие, твердые и твердо-мягкие; круглые, высокие, широкополые (широкие), что находило отражение в лексической сочетаемости слова.

«Вместо того, чтобы облечься в изящный летний костюм из светло-серой легкой ткани и надеть столь же изящный серый фетр, обвитый лентой, ослепительный жилет и белый галстук, он <Горяинов> <...> достал из письменного стола <...> целый ворох писем, исписанных беспорядочным женским почерком»²⁵. «Дорогой брат! Поручения твои все я исполнил, т. е. 1) шляпу купил и отправил. Купил у Чуркина; всего с пересылкой она стоит 7 1/2. Умеренно-либеральная, черная, фетровая, твердо-мягкая»²⁶.

Важным элементом женского туалета в 30-е годы XIX века был легкий газовый шарф — *эшарп*. Слово было заимствовано из французского, однако еще в 1826 году в «Московском телеграфе» *les écharpes les plus élégantes* было переведено как *моднейший шарф*. «Эшарпы почти все белые, из шелковой кисеи, Греческого тюля, филе»²⁷.

В 1795 году при описании жизни в Венеции впервые упоминается новый предмет одежды — редингот, вошедший в

²³ Татищев И. Всеобщий францужско-русский словарь. Москва. 1839.

²⁴ Московский телеграф. 1828. Ч. 18. С. 248.

²⁵ Старицкий М.П. Одиночество. 1884. <http://az.lib.ru>

²⁶ Гаршин В.М. Письмо Е. М. Гаршину 24 июля 1884 года. <http://az.lib.ru>

²⁷ Библиотека для чтения. 1833. Т. 11. С. 40.

моду в России после смерти Павла I и снятия запретов на ношение жилетов «наряду с другими элементами костюма как проявления французского революционного духа»²⁸.

«Мода на Рединготы и Капоты расселилась по всей Англии, Франции, Германии, Италии и по Северу»²⁹.

Само слово *редингот* (*реденгот*, *редянгот*) было заимствовано из английского языка (*riding coat*) через французский (*redingote*) и быстро вошло в употребление.

«Наряд щеголя, запросто, составляет: реденгот, из беловатого сукна, с перломутowymi пуговицами, или из двойного меринуса, цвета темнозеленого или головы негра, с одним рядом пуговиц из шелковой материи»³⁰.

Однако рединготы долгое время оставались излюбленным предметом и дамского гардероба.

«Щеголихи, у которых есть кареты, надевают большие рединготы из дра-зефира или серо-белого каотина с двойными отворотами и карманами. Сии рединготы делаются на вате и с беличьим или шиншилловым воротником»³¹.

«Много шелковых реденготов, отделанных биз; они обшиваются маленькою бахрамою одинаковаго цвета с матерьею платья; вырез на груди и рукава обшиваются бархатом»³².

Появление все новых предметов одежды, изменение фасонов, усложнение отделки костюма вызвали значительные изменения в языке моды. В начале XIX века было характерно функционирование большого числа иноязычной лексики (в основном из французского языка), которая быстро входила в широкое употребление. После

²⁸ Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 88.

²⁹ Магазин общепользных знаний и изобретений с присовокуплением модного журнала. 1795. Ч. 2. С. 250.

³⁰ Московский телеграф. 1826. Ч. 10. С. 54.

³¹ Московский телеграф. 1825. Ч. 2. С. 35.

³² Отечественные записки. 1841. Т. 15. Кн. 4. С. 136.

выхода из моды той или иной вещи исчезало из языка и соответствующее слово. Постоянный поиск путей передачи той или иной реалии приводил к широкой вариантности наименований, например, фрак-жилет (*habit-veste*), сюртук (*redingote*), редингот (*redingote*), сертук-жилет (*redingote-veste*)³³. Журналы мод представляли собой творческую лабораторию по переработке французского языка на русский манер. Как писали в журнале «Сын Отечества»: «Наши очаровательные моды выше рифмы, для них еще не образован язык, существуют только французские магазины»³⁴.

³³ См. раздел «Моды» в «Московском телеграфе» за 1826 год.

³⁴ Сын Отечества. 1851. Ч. I.